

A young man and woman are shown in profile, facing each other. They are positioned behind a glass pane that is heavily cracked and spiderwebbed. The man, on the left, has short, light-colored hair and is wearing a dark jacket. The woman, on the right, has dark hair with bangs and is wearing a light-colored, possibly wet, top. The background is a blurred cityscape with tall buildings. The overall mood is somber and contemplative.

За что?

Валери Альт

Валери Альт

За что?

<https://litres.ru/74227759>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о том, как случайная встреча в университетских коридорах переворачивает жизнь: за фасадом образа ловеласа скрывается человек, который впервые хочет быть увиденным настоящим. Его тянет к Элизабет не из азарта, а потому, что рядом с ней даже неловкость становится близкой, а тишина - глубокой. Их история начинается с комплимента про ботинки и шоколадок по утрам, а заканчивается вопросом, на который нет ответа: «За что ты так со мной?»

Это исповедь героя, в которой прошлое не отпускает: восемь лет он возвращается к одной и той же встрече и к одному и тому же вопросу. Университетские коридоры, бюрократическая рутина, расписание, в котором теряется жизнь, и девушка, будто держащая в руках чужие судьбы, - всё сплетается в тонкую, напряжённую историю о взрослении через боль. О цене репутации, о страхе быть отвергнутым и о моменте, когда судьба резко меняет правила игры.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: С НЕЙ	4
Ч	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валери Альт

За что?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: С НЕЙ

«За что?» – как часто мы задаём себе этот вопрос... Ситуации могут быть разные, но начало фразы всегда с долей тихой претензии к миру, к судьбе, к себе или к окружающим. За что нас любят? За что мы это заслужили? За что жизнь бывает так несправедлива? За что остаёмся одни среди людей? Список можно продолжать бесконечно, но важно лишь то, что каждый пункт в нём будет отзываться в груди до боли знакомым эхом.

Восемь лет назад я спрашивал её: «За что ты так со мной?» С тех пор этот вопрос преследует меня ежедневно, скрываясь в паузах между фразами или прячась в закоулках памяти. С тех пор жизнь словно раскололась надвое. Душа осталась где-то там, в тех днях, когда для меня не было ничего невозможного, а тело живёт по инерции: выполняет привычные социальные функции, двигается, говорит, улыбается, но не чувствует настоящего вкуса к жизни. Того вкуса, который придаёт всему смысл.

Мы познакомились случайно. Но что вообще значит это «случайно» в контексте целой жизни? Я не привык верить в

совпадения и случайности, поэтому продолжаю считать, что каждый человек на нашем пути появляется не просто так, каждый важен, как воздух: одни присутствуют с нами почти от начала и до конца, другие задерживаются на несколько лет, третьи – на пару месяцев, а последние и вовсе появляются на мгновение. Но даже эти незначительные на первый взгляд эпизоды способны что-либо изменить внутри нас. И я не мог поверить, что наша встреча с Элизабет была обыкновенной случайностью.

Восемь лет назад я впервые узнал, как разбивается сердце. И с тех пор оно так и осталось уязвимым и искалеченным. В нём продолжает жить старая боль. Ту, которая открыла для меня и любовь, и горечь потери, я буду называть Элизабет. Нам было по двадцать три года, когда я впервые увидел её на факультете. Я тогда оканчивал обучение, а ей оставался ещё год: её позже отдали в школу. Она работала в деканате диспетчером расписания – и, кажется, держала в своих руках не только графики и аудитории, но и чьи-то судьбы в этой бесчеловечной бюрократической системе.

Позже я и сам столкнулся с этим, работая преподавателем в колледже (и не в одном). Когда в учебном отделе составляют расписание, вовсе не учитывают физические и моральные возможности преподавателей. Мне казалось, там сидят люди, чья единственная цель – испортить как можно больше жизней за один день. Зачем ставить мне пару в восемь утра, затем два-три «окна», а потом ещё две пары? Что мне делать

в эти часы и где? Я ненавидел такие дни: бродил по пустым коридорам, пил кофе, курил в парке рядом с колледжем, чувствуя, как это бессмысленное время навсегда ускользает от меня.

А ещё бывало, что единственная пара стояла посреди дня, приблизительно около трёх часов. С таким расписанием особо ничего не планируешь. И это первая причина, почему у многих учителей нет личной жизни. Вся их жизнь теряет-ся в ненужных «окнах» и внезапных заменах. Думаю, вторая причина – бумажная волокита: отчёты, объяснительные, планы, журналы, которые в век инновационных технологий заполняются от руки... Кроме крепкой нецензурной лексики великого и могучего языка, на ум ничего не приходило, когда я ехал в трамвае через весь город, чтобы успеть к началу рабочего дня. Если опоздаешь на несколько минут – придётся писать объяснительную. А какое может быть желание приходить на работу, когда ты всего-то раздаточный материал? Я отдал системе образования семь лет, чтобы понять: сколько ни меняй учебных заведений – везде одно и то же. Лирическое отступление закончилось – возвращаюсь к Элизабет, в руках которой находились чужие нити жизни.

Как сейчас помню: последние дни марта. Я пришёл на факультет провести лекцию у первокурсников, что было частью преддипломной практики. Мой научный руководитель в тот день отсутствовал, заранее предупредив, что по любым вопросам можно обращаться к Элизабет. Я никогда раньше её

не видел, но каким-то странным образом сразу догадался, о ком речь. Незадолго до этого мой знакомый, не скрывая восторга, сообщил, что на место прежнего диспетчера взяли интересную девушку, и настойчиво предлагал мне с ней познакомиться. Я тогда лишь отмахнулся: конец учебного года, в диссертации нет ни строчки, в голове – ни одной связной мысли о выступлении на ежегодной конференции, а про госэкзамен и говорить нечего. Какие тут могут быть знакомства с интересными девушками? Ну, и пусть за окном весна, которая неустанно шепчет о любви...

Увидев Элизабет около аудитории, я сразу понял: вот она, та самая «интересная девушка» из рассказов знакомого. И в ту же секунду мне показалось, что наши души узнали друг друга ещё до того, как мы встретились глазами. Слова понатужились физической оболочке, чтобы придать мыслям форму и кое-как взаимодействовать, играя социальные роли.

С горем пополам я провёл лекцию, почти не помня, о чём говорил этим юным душам. Я никогда не считал себя прирождённым академическим преподавателем, а уж в тот момент и подавно не чувствовал себя уверенно. К тому же я решил, что моя будущая работа не должна быть связана с большими коллективами и бесконечными разговорами (но у жизни на меня были свои планы). Хотя, надо признать, находиться в центре внимания мне всегда нравилось. Именно эта тяга к бесконечным разговорам обо мне, к тому, чтобы быть замеченным, впоследствии сыграла злую шутку.

После лекции со мной осталась побеседовать одна из студенток. Вряд ли она обо мне что-то слышала, но ещё вчера я бы обрадовался этому знакомству, так как оно могло быть очень кстати, но с этого дня меня начали тяготить подобные пустые разговоры в стенах университета. В глубине души я и так собирался задержаться на факультете: мне нужно было время, чтобы набраться смелости и пригласить Элизабет на кофе. Удивительно, как быстро чувства берут верх над разумом, как легко мы отбрасываем все доводы рассудка и идём на поводу у внезапного порыва. И удивительно ещё одно: когда девушка безразлична, с ней очень легко начать разговор, а мысли не обгоняют друг друга...

Студентка представилась странным коротким именем Ай, и я с лёгкой улыбкой принял это имя – единственное не изменённое в данной исповеди. Мы говорили несколько часов обо всём подряд, но это не был разговор между теми, перед кем секунду назад проскочила искра. С моей стороны это были скорее формальные реплики, вежливые вопросы и такие же вежливые ответы. Я и сам понимал, почему не уйду: в двух шагах от нас был деканат, и Элизабет то и дело выходила к стенду с расписанием.

Она появлялась в коридоре, и я тут же ловил каждое её движение. И вот, когда она в очередной раз прошла мимо, я тихо, почти шёпотом, сказал Ай, взглядом указывая на удаляющуюся Элизабет:

– Видишь эту девушку? Мне нужно с ней познакомиться

поближе.

Ай удивлённо подняла бровь, будто я произнёс нечто совершенно нелепое. Потом, не удержавшись, искренне рассмееалась, а после пожала плечами и сказала:

– И в чём проблема? Сделай ей комплимент.

О, боги... Если бы для меня это было так просто. Я никогда не умел ни говорить комплименты, ни принимать их. Возможно, потому, что перестал верить словам: мало ли что говорят люди сегодня, ведь завтра начнут утверждать противоположное – всё, как с экрана телевидения... Когда кто-то из знакомых, глядя на меня помятого (во всех смыслах этого слова) после раннего подъёма, говорит: «Ты хорошо выглядишь», я, конечно, механически отвечаю: «Спасибо», а в голове тут же образуется нечто вроде: «Спасибо, но я видел своё отражение в зеркале перед выходом». Почти всё, что мы говорим друг другу, зачастую оказывается ложью, за которой прячется желание оставаться вежливыми. Мы забываем, что вежливость и честность несовместимы. Не скажу, что мир бы стал лучше от правды, но в нём было бы меньше фальшивых сцен. И, возможно, это научило бы нас спокойно реагировать на то, что люди говорят в наш адрес – в глаза или нет.

Вместо потока мыслей я выжал из себя лишь один вопрос:

– Какой комплимент?

Ай снова рассмееалась, будто я вновь спросил что-то невероятно забавное, что-то вроде: «Почему солнце светит?» От-

смеявшись, она спокойно сказала:

– Скажи, что у неё прикольные ботинки.

Не знаю, была ли это шутка или искренний совет, но именно это я и сказал Элизабет, когда наконец подошёл к стенду с расписанием. Она как раз меняла номера аудиторий на следующий день, а я убедительно делал вид, что ищу фамилию своего научного руководителя в списке преподавателей. В тот момент в коридоре никого больше не было, и нависшая над нами тишина будто подталкивала меня к этим словам.

– У вас прикольные ботинки, – выпалил я и машинально отвёл взгляд на её обувь, чувствуя, как внутри всё сжимается от неловкости. Честно признаться, я не представлял, что говорить после этих слов для поддержания диалога.

К моему огромному облегчению, Элизабет не нахмурилась и не посмотрела на меня с недоумением, а наоборот, слегка улыбнулась, оценив мою неуклюжесть.

– Спасибо, – сказала она, чуть склонив голову. – Они удобные.

И этого хватило, чтобы диалог не оборвался. Мы заговорили о каких-то пустяках, но я снова почувствовал то самое соприкосновение душ, которое заметил в самом начале и которое не поддаётся объяснению с точки зрения логики. В какой-то момент я решился:

– Может, после работы сходим в кофейню? Продолжим разговор.

Элизабет чуть помедлила, а потом кивнула:

– Хорошо. Давайте.

Мы обменялись номерами телефонов, и я ушёл курить, погружаясь в удивительную текучесть времени. Его течение неподвластно и всегда издевается над нами: когда хочется, чтобы минуты летели, они ползут медленнее улитки в коме. А когда находишься в моменте, в котором хотелось бы задержаться намного дольше, время проносится вихрем, превращая мгновение в воспоминание.

Целый час оставался до конца её рабочего дня, и я чувствовал себя распятым на циферблате: каждая минута ощущалась как вечность в аду. Зато последующие полгода пролетели так стремительно, что я едва успевал замечать, как один день сменяет другой. Был ли я счастлив тогда? Определённо. Но не в тот самый день.

Когда ненавистные шестьдесят минут наконец истекли, я получил от Элизабет сообщение: «Извините, у меня появились планы. Встретимся в следующий раз».

В то мгновение всё логично встало на свои места. Пока я смотрел на циферблат, пытаясь взглядом ускорить ход времени, Элизабет, вероятно, через свои источники информации узнала обо мне всё – всю ту историю, что гуляла по факультету. Именно эта «вся история» сыграла со мной ту самую злую шутку. Ещё вчера я гордился своими любовными успехами и неутихающим интересом среди представительниц прекрасного пола, а теперь, раз за разом водя глазами по

буквам этого короткого сообщения, готов был провалиться сквозь землю.

Как я уже сказал, я любил быть в центре внимания, даже если оно было не всегда положительным. Обо мне говорили многие: кто-то восхищался, кто-то осуждал, но главное – говорили даже те, кто не был знаком со мной. Для меня это было важно все шесть лет обучения, почти жизненно необходимо. Славу ловеласа факультета я приобрёл почти без усилий: лёгкий флирт, две-три интрижки – и дело в шляпе. Гораздо сложнее оказалось поддерживать эту «репутацию», а ещё сложнее было осознать в ту минуту, что эта слава не способна сравниться с непреодолимым желанием, чтобы тебя увидели без маски и фантазий чужих людей.

Время от времени я встречался с разными девушками – знакомился с ними с одной целью: чтобы нас видели вместе. Так обо мне сложилось определённое мнение: мол, любая, кто оказывается рядом со мной, тут же попадает ко мне в постель. Это придавало мне уверенности в себе. С первого курса у меня были единственные отношения, но, по правде говоря, они с самого начала напоминали скорее дружеские, нежели романтические.

Моя девушка как-то с лёгкой иронией сказала мне: «Если у тебя не будет отношений, к тебе выстроится очередь, поэтому я тебе нужна как прикрытие». В этих словах была своя горькая доля правды. Она была моей первой девушкой, и эти шесть лет мы шли бок о бок: оба неопытные, оба немного

потерянные, оба познающие жизнь и друг друга. Со временем между нами установилось спокойное чувство товарищества. Она и сама не возражала против того, чтобы я общался с другими. Между нами возникло негласное соглашение: пусть мир думает что хочет, но мы вместе проигнорируем все ярлыки, которыми обрастают наши отношения.

И, чего греха таить, любому нерешительному и застенчивому человеку, привыкшему прятаться в тени, льстила эта внезапно обрушившаяся на него «слава», пусть и сотканная из слухов и домыслов. Она заставляла студенток моего факультета оборачиваться, шептаться и распускать сплетни. Я старательно поддерживал эту легенду, боясь разрушить её неловким движением и показать миру своё истинное лицо. Мне хотелось быть на виду, хотелось, чтобы обо мне говорили. К тому же ложь была куда более интересна, чем моя реальная жизнь. Но теперь все эти мифы мне предстояло развеять в глазах Элизабет.

На следующий день я снова пришёл в университет и встретил её в коридоре факультета, около аудитории. Она увидела меня и отвела взгляд. Внутри меня всё сжималось от непривычного волнения: я испытывал робость, приближаясь к этой девушке. Преодолев расстояние, разделявшее наши души, я неловко поздоровался, а после протянул ей шоколадку, которую она приняла, не задавая вопросов:

– Это вам... к чаю или кофе.

Она чуть приподняла бровь, будто взвешивая мои слова,

украдкой улыбнулась и сказала:

– Спасибо. Это неожиданно.

Я выпалил, не давая себе времени на раздумья и ненужные сомнения:

– Элизабет, я буду приходить сюда каждый день, пока вы не согласитесь со мной выпить кофе.

Её улыбка стала теплее, и в ней мелькнуло любопытство. Как выяснилось позже, ей стало интересно узнать, насколько меня хватит, и проверить, не пустые ли это слова.

В моих глазах читался азарт. Я не мог позволить Элизабет отказать мне в простом желании провести вечер в обществе не только привлекательной, но и эрудированной девушки.

Мы вместе подошли к стенду с расписанием. На этот раз в том уголке факультета мы оказались не одни – рядом толпились студентки с разных курсов, звенели голоса, кто-то смеялся и шептался. Но мне было всё равно на жизнь внешнего мира – меня интересовала Элизабет. Собравшись с духом, я тихо спросил, чуть потупив взгляд:

– Скажите... вы мне отказали вчера, потому что узнали обо мне нечто неприемлемое?

Она снова улыбнулась, но в её улыбке не было насмешки: скорее всего, лёгкая ирония, смешанная с интересом:

– Да. Я теперь знаю, что вы тот ещё казанова, – она сказала это настолько просто, будто для неё было в порядке вещей встречать подобных мне, а уж тем более отказывать в продолжении общения.

Я посмотрел в её глаза, стараясь, придать голосу твёрдую уверенность. Как ни странно, слова прозвучали достаточно ровно:

– Уверяю вас: всё, что говорят на факультете, – неправда. Я вам это докажу.

После этих слов мы попрощались, и я направился к выходу из университета, унося в душе противоречивые чувства. Зачем мне именно эта девушка, когда вокруг хватало тех, кто готов был ежеминутно признаваться в любви, внимательно слушать каждое моё слово и ловить взглядом каждый мой жест? Однако дело было не только в возникшем чувстве азарта, не в страхе остаться побеждённым и не в игре, которую я сам придумал. Дело было в том, что среди условной тысячи претенденток не нашлось бы ни одной, кто мог бы даже приблизиться к Элизабет. Отныне мне не нужна была яркая пустая мишура, ведь я впервые в жизни разглядел настоящее сокровище. В Элизабет жила притягательная глубина. Именно эта глубина держала меня рядом с ней, поглощая всё моё существо. Эта глубина накрыла меня с головой, и я утонул в бескрайнем океане, так и не сумев приблизиться к жемчужине.

Наступила суббота, и мне отчаянно захотелось узнать, одна ли она в кабинете. Но просто так прийти не мог – нужен был повод, хоть какой-то самый нелепый пустяк. Подойдя к двери деканата и придав рубашке опрятный вид, я замер на мгновение, собираясь с мыслями, а потом решительно по-

стучал. Приоткрыв дверь дрожащей рукой, я шагнул внутрь.

Элизабет сидела одна, погружённая в бумажную волоки-ту. В кабинете вся мебель была пропитана запахом бюро-кратии. Мы поздоровались, и я, продолжая начатый ритуал, протянул ей шоколадку:

– Вот. Как и обещал.

Она посмотрела на меня, и в её глазах снова мелькнул ин-терес. Она спокойно спросила:

– Спасибо. Вы что-то хотели?

На одном дыхании я протараторил:

– Мне нужна справка о том, что я здесь обучаюсь.

Она с улыбкой протянула мне тетрадь, указав место, где нужно сделать соответствующую запись. И вдруг всё напря-жение, сковывавшее меня на пути в университет, исчезло. Мы разговорились. Сначала о бессмысленных вещах, затем постепенно перешли к чему-то большему: к книгам, музыке и странностям огромного мира. Она предложила кофе, и я согласился, чувствуя, как с каждым сделанным глотком ухо-дит неловкость. Мы перестали обращаться друг к другу на «вы» и проговорили до конца её рабочего дня. Наши души чувствовали себя так, словно были знакомы тысячу лет.

В понедельник я пришёл на факультет, чтобы поддержать легенду со справкой. Но на этот раз Элизабет была не од-на: её окружали очередные символы бюрократии – декан и его свита. Несколько пар глаз уставились на меня, разгово-ры резко утихли, и в воздухе повисла тяжёлая тишина, в ко-

торой отчётливо слышался единственный вопрос: зачем вы пришли.

Сделав шаг вперёд к рабочему месту Элизабет, я спокойно произнёс:

– Я пришёл за справкой, которую заказывал в субботу.

Элизабет на мгновение задержала на мне удивлённый взгляд, а потом чуть заметно кивнула:

– Подождите в коридоре, пожалуйста.

Через несколько минут она вышла, держа в руках не нужный мне документ. Я тут же протянул ей очередную шоколадку. Она улыбнулась, взглядом указала на справку, и в её голосе зазвучали игривые нотки:

– Разве это был не предлог, чтобы прийти ко мне?

В тот момент я был поражён тем, насколько точно она считала мои истинные намерения. На секунду я растерялся, но потом, стараясь сохранить невозмутимость, ответил:

– Мне действительно нужна была справка.

– Ладно, – тихо сказала она, принимая шоколадку.

Пожелав ей хорошего дня, я развернулся и пошёл прочь, чувствуя, как бешено колотится сердце, готовое выскочить из груди. В душе зарождалось понимание: эта игра становится всё сложнее и важнее.

Своими неуклюжими попытками завоевать сердце Элизабет я поделился с Маргарет. Она училась со мной в одной группе и была той самой подругой, рядом с которой даже самые неловкие истории не казались катастрофой. Маргарет

всегда умела снять напряжение и разрядить обстановку.

Историю со справкой она молча и внимательно выслушала, а потом, чуть прищурившись, вполне серьёзно спросила:

– Зачем тебе такая умная девушка? Я бы в жизни не догадалась, что это предлог.

Я пожал плечами, осознавая, что не в силах найти на него простой ответ:

– Сам не знаю.

– А что ты вообще о ней знаешь? – не унималась она.

Я задумался, подбирая слова и формулируя нечто похожее на правду:

– Иногда мне кажется, что я знаю о ней всё. Чувствую её настроение, понимаю её паузы, угадываю, когда она устала и когда хочет, чтобы её не трогали. А временами... между нами будто целая пропасть. И я не хочу торопить события. Ей нужен не один разговор по душам, чтобы научиться мне доверять. Пусть поймёт, что мне не нужно от неё ничего, кроме того, что она сама захочет отдать. В данный момент она отдаёт мне своё время, а это самый ценный ресурс в контексте жизни.

Маргарет внимательно слушала, чуть наклонив голову, а потом тихо кивнула, осознавая смысл моих слов.

Как и мне, ей было по-настоящему интересно, будет ли между мной и Элизабет нечто большее, чем посиделки в деканате. Сходим ли мы наконец куда-нибудь вместе, или чувство азарта, которое захватило меня, в какой-то момент сой-

дёт на нет, и я вернусь к прежней спокойной жизни. В глубине души я уже тогда понимал: даже если из этой затеи ничего не выйдет, я не смогу просто взять и нажать клавишу «вернуться назад». Многое во мне изменилось за эти три встречи: маска ловеласа упала и разбилась, поэтому бесполезно собирать осколки, склеивать их и вновь стараться надеть, будто ничего не произошло. Я уже не буду таким, каким меня видели в период обучения. Весь вопрос в том, по какому пути пойду.

Так продолжалось три месяца. Каждое утро я приносил для Элизабет шоколадку. Перед тем как ехать на работу, старался успеть к её приходу, чтобы застать одну, пока деканат ещё не наполнился пустой суетой и не погряз в *важных* поручениях. По субботам мы оставались наедине: она разбирала бесконечные кипы бумаг, составляла расписание на следующий учебный год, а я сидел напротив, наблюдал за ней и рассказывал что-нибудь: иногда про учёбу, иногда про детство, иногда про самые нелепые школьные истории. А когда у неё становилось меньше дел, мы обсуждали книги, фильмы или музыку.

Бывало, она смеялась моим шуткам, и в эти секунды я отчётливее понимал: этот искренний смех дороже любых признаний, дороже всего на свете, что только может быть у человека. Мы ведь смеёмся над шутками только тех, к кому испытываем симпатию, даже если для остальных в сказанном нет ни капли юмора. Так было и у нас: какую бы глу-

пость мы ни сказали друг другу, она неизменно отзывалась взаимным смехом. И через этот смех выражалась удивительная близость, понятная нам двоим.

В апреле я выступил на конференции со своей статьёй. Казалось, я переписывал текст столько раз, что отдельные фрагменты должны были начать вторгаться в мои сны. И не зря так старался сделать текст идеальным: мою работу отметили как одну из лучших, сделав акцент на глубине проведённого анализа. Что касается диссертации, она была окончена в срок. Общение с Элизабет не навредило ни успеваемости, ни работе. Подходил конец моего обучения, и с каждым днём всё острее становилось чувство неопределённости: продолжится ли наше общение, когда я перестану быть студентом, когда у меня не останется никаких поводов заходить в университет?

В одну из последних суббот, проведённых на факультете в обществе друг друга, в деканат зашла Ай: ей нужно было забрать что-то из личного дела. Пока Элизабет копалась в старых шкафах с макулатурой в поисках нужной папки, Ай время от времени бросала на меня короткие взгляды. Что она хотела прочитать на моём лице? Что я добился Элизабет и у нас роман? Или хотела сказать мне что-то важное? В кабинете повисла неловкая тишина, которая давила на моё сознание и заставляла чувствовать себя не на своём месте. Я будто оказался между двух огней.

Перед тем как выйти, Ай молча показала мне экран смарт-

фона: на нём была напечатана фраза: «Ещё увидимся». И тут же эта девушка со странным именем исчезла за дверью. Я решил, что будет крайне невежливо не отреагировать на её внезапное появление и такое же внезапное исчезновение, поэтому выскользнул следом, даже не взглянув в сторону Элизабет. В коридоре мы с Ай перекинулись парой ничего не значащих фраз, после чего я со спокойной совестью вернулся в деканат.

Элизабет... не знаю, играла она роль или и по-настоящему была вне себя, но такой я её ещё не видел. Она металась по кабинету. Мне казалось, она искала выход из невидимой клетки, в которой мы оказались. И вдруг эта невероятно застенчивая девушка обрушила на меня свой гнев:

– Давай! Уходи! Беги за своей первокурсницей! Выскочил за ней, как пробка из шампанского!

Я попытался вставить хоть слово, заверить, что никакая первокурсница мне не интересна, что всё это обычный пустяк, навязанный обществом жест вежливости. Но Элизабет и слушать не хотела.

– Ну, конечно! – перебила она. – Я прекрасно помню, как вы мило беседовали в тот день!

После этих слов её ярость растаяла. Успокоившись, Элизабет мгновенно вернулась на своё рабочее место и опустилась в кресло, делая вид, что ничего особенного не произошло. Это был первый случай, когда она говорила со мной на повышенных тонах, а я не знал, как себя вести. Нелепость

этой сцены Элизабет вспоминала ещё не раз: то в шутку, то с намёком на обиду, то называя Ай моей любовницей.

Женщины продолжают оставаться для меня сложной загадкой. Даже если между вами нет и намёка на романтические отношения, им невыносима мысль, что внимание или случайный взгляд на миг могут принадлежать другой. Неважно, кем вы друг другу приходитеесь: знакомыми, друзьями или любовниками – в каждой встреченной незнакомке женщина видит соперницу. Их ревность так же необъяснима, как и переменчивость настроения: сегодня она говорит с тобой под маской холодной вежливости, а завтра готова стать проснувшимся вулканом, лава которого уничтожает всё на своём пути. Бывает, конечно, и наоборот.

И вот что я вынес из всех этих встреч, длительных отношений и самых коротких связей: если женщина не спорит с тобой, не сердится по пустякам, не пытается тебя переубедить – значит, ты ей безразличен. Они растрачивают эмоции только на тех, кто им дорог. А за тишиной и молчанием прячется пустота.

В том миге неудержимого эмоционального порыва Элизабет была ещё одна особенность. Мне вдруг захотелось прильнуть к её губам и почувствовать их вкус. Мне захотелось обнять её, удержать и заглушить эти злые слова долгим поцелуем, чтобы она перестала кричать и наконец поняла: нет никакой первокурсницы, есть только она, есть только тихая любовь между нами. Мне захотелось закрыть дверь декана-

та на ключ, отрезать весь внешний мир от нас и забыть про приличия. Забыть про всё на свете и наслаждаться друг другом до тех пор, пока мы не рухнули бы от усталости. Мне захотелось остаться в кабинете наедине с её гневом и с тем, что он во мне пробуждал. Но я не решился на этот шаг, боясь разрушить тот фундамент доверия, который мы с ней постепенно выстраивали. Обездвиженный, я стоял и смотрел, как она снова становится спокойной и собранной, будто не кричала на меня несколько минут назад. Признаться, это один из любимых упущенных моментов, связанных с Элизабет. А ведь он помог бы прояснить всё...

В день сдачи госэкзамена Элизабет не было на факультете: она болела. Я вышел из аудитории растерянный, взволнованный и на эмоциях. Сразу же в коридоре встретил научного руководителя и, не сдерживаясь, выпалил:

– Какой мне задали вопрос... он поставил меня в тупик: «Чем отличается трагедия от драмы?»

Научный руководитель всплеснул руками, затем, подобравшись и похлопав меня по плечу, сказал:

– Да ведь это было на моих лекциях! Конфликт в трагедии – неразрешимый, и он ломает мир. В этом столкновении нет выхода, поэтому он забирает жизни не только главных героев, но и второстепенных. В драме же существует несколько путей выхода из конфликта, и у героя есть право выбирать. Его окончательное решение, каким бы категоричным и роковым оно ни было, не разрушает мир вокруг. Неразрешимый

мость трагедии всегда предполагает смерть, и это не выбор героя, а жизненная необходимость. В драме же герой самостоятельно выбирает смерть, и это не влечёт за собой гибель других персонажей.

Слушая его, я чувствовал, как внутри всё сжимается от досады. Это был один из самых лёгких вопросов, и именно на него я не смог найти ответ вовремя. Учитывая мои углублённые знания по другим темам, комиссия всё-таки поставила мне «отлично», но эта оценка не принесла должной радости. Обычно на итоговых экзаменах ставят то, на что ты учился: в моей зачётной книжке по всем курсам стояла отметка «отлично», вот и поставили... Для меня это стало символической пощёчиной от ненавистной системы. Мне нужно было с кем-то поговорить, чтобы снять душевное напряжение и перестать балансировать над бездной.

Я позвонил Элизабет. Судя по всему, мой звонок разбудил её: в трубке послышался тихий, сонный голос:

– Кто это?

– Это я, – выдохнул я.

Её мягкий смех заполнил моё сознание:

– А я уж подумала, что мне звонит одна из твоих «любовниц» или неопытных первокурсниц и проверяет, кто такая «Элизабет» в контактах твоего телефона.

На тот момент Элизабет уже знала всю суть моей легенды, и её слова были обычной шуткой, но всё равно смогли слегка уколоть мою гордыню. Они будто стали невольным напо-

минанием того образа жизни, который я вёл до знакомства с ней.

– Прости за ранний звонок, – сказал я.

Она сменила тон и ответила:

– Всё в порядке. Рассказывай, что у тебя случилось.

И я рассказал про экзамен, про вопрос, на который не смог ответить, про свою растерянность. Она слушала, не перебивая, и постепенно её спокойствие овладело мной. В конце разговора она вдруг сказала:

– Кстати, вышел новый фильм. Называется «Черновик». Если хочешь, можем сходить.

Я замер, и слова потерялись где-то в пространстве, не доходя до горла, чтобы я мог их произнести. На мгновение мне показалось, что это вежливое приглашение должно завершить общение друг с другом, что наши пути наконец разойдутся и всё вернётся на круги своя. Она ведь помнила, зачем я приходил к ней: чтобы в итоге мы сходили куда-нибудь вместе. Позже я думал о том, что нам и не нужно было покидать стены факультета: обоим там было комфортно. Было комфортно друг с другом. А для того, чтобы побыть вместе, необязательно ехать на другой конец города, преодолевая пробки миллиметр за миллиметром. Хотела ли она этим спонтанным для меня походом в кинотеатр поставить точку в нашей истории?

– Это ты меня так в кино пригласила? – спросил я, скрывая волнение в голосе.

– Да, – просто ответила она, и я услышал искреннее желание провести со мной время.

После кинотеатра я шёл рядом с ней, но был погружён в собственные мысли, не зная, как спросить о том, что будет дальше. Прощаясь со мной, она неожиданно попросила:

– Напиши, когда приедешь домой.

Я написал сразу же, как только переступил порог. Через минуту она перезвонила, и мы ещё долго говорили о разных пустяках. Содержание разговора было неважно, но я мечтал повернуть время вспять, чтобы можно было дольше слушать звук её голоса и погружаться в её интонации. Тогда я осознал: ещё не наступил конец нашей истории, ведь никто из нас двоих не хотел ставить точку.

Оставшиеся два месяца лета мы провели вместе. Мой день начинался с её сообщения: «Доброе утро». Почти каждый вечер после работы мы встречались в центре: гуляли, заходили в популярные кафе нашего города и не замечали мир вокруг. Как правило, перед сном мы созванивались и разговаривали до тех пор, пока голос её не становился сонным. В царство грёз я уходил после её слов: «Доброй ночи».

Я не понимал, кто мы друг другу, и эта неопределённость меня временами тяготила. Однажды Элизабет, звонко смеясь, назвала меня тугодумом, когда в очередной раз мы вели ночной разговор по телефону:

– По-моему, всё и так понятно, – заключила она.

Я прокручивал в голове наши разговоры, наши взгляды,

наши паузы между словами. И постепенно я привык к мысли о том, что мы просто есть друг у друга, поэтому неважно, как это называется.

Свой разрыв с прежней девушкой я переживал не слишком болезненно. Как я уже говорил, те отношения были больше дружескими, и мы остались с ней именно друзьями, ни в чём не упрекая и ни на что не обижаясь. А вот Элизабет оставалась для меня непостижимой тайной, в которую мне хотелось проникнуть без вреда друг для друга.

Примерно на неделю она улетала к бабушке в Америку вместе с сестрой. Перед этим сказала, что будет звонить, и сдержала слово: она звонила и писала каждый день, иногда присылала фотографии. Рассматривая их, я внезапно начал осознавать, что скучаю.

По её возвращении мы встретились сразу же. Она протянула мне пачку сигарет и, чуть пожав плечами, сказала:
– Не знала, что тебе привезти.

Разве мне нужно было что-то, кроме времени? Кто должен был понимать это, если не она? В этих нескольких месяцах, проведённых рядом с Элизабет, было больше смысла, чем в любом другом отрезке моего пути до неё или после неё...

В последних числах августа я занимался покупкой собственной квартиры, и даже в этом, казалось бы, незначительном деле вдруг проступила одна едва заметная нить, ведущая к Элизабет. В договоре продавца я заметил фамилию и инициалы её мамы. Почему среди всех юристов города вы-

бор пал именно на неё? В тот момент я впервые поймал себя на мысли, что наше знакомство – это далеко не случайность: сама судьба подталкивала меня к нему. А покупка именно этого пространства стала чем-то личным, почти предопределённым, поэтому Элизабет стала первой, кого я привёл в квартиру, едва получив ключи.

Через несколько дней я праздновал новоселье и позвал друзей, в том числе и её. Всё шло неплохо, несмотря на досадный курьёз: стол, который доставили из магазина, оказался без ножек. Служба поддержки невозмутимо подтвердила, что они остались на складе, и пообещала привезти их в течение трёх дней. Это полностью рушило мои планы: новоселье уже завтра, а гостей посадить некуда. Меня это здорово разозлило, ведь хотелось, чтобы всё было как надо, чтобы этот вечер стал особенным.

Какое это счастье – иметь понимающих друзей. Когда я высказал своё недовольство и планировал было перенести праздник, они уверили меня, что это не может испортить вечер. Всех вполне устроило сидеть на подушках вокруг столешницы. Главное, что еды и вина было вдоволь, а больше ничего и не нужно в хорошей компании. Я весь вечер сидел рядом с Элизабет и ловил себя на том, что уделяю ей больше внимания, чем остальным, и при этом не чувствую привычной скованности, которая проявлялась раньше в её присутствии. Не помню, сколько я выпил, но рядом с ней напряжение будто растворялось в очередном бокале, уступая место

лёгкости.

Когда все разошлись, одна из подруг детства задержалась у двери, посмотрела на меня внимательно и сказала: «Элизабет красивая и интересная, но я заметила, как она иногда писала кому-то и улыбалась. Ты увлёкся всерьёз, а я боюсь, что она разобьёт твоё сердце». Я отмахнулся, отшутился, а потом произнёс что-то вроде: «У нас с ней всё будет хорошо. Рядом с этой девушкой у меня выросли крылья».

Увы, постоянство жизни – в её переменах. И, подарив мне крылья, Элизабет с такой же лёгкостью забрала их обратно. Вскоре начали воплощаться мои худшие опасения. В сентябре наше общение начало сходить на нет. Я не понимал причины, ловил себя на том, что вглядываюсь в её сообщения, ищу между строк что-то, чего там, возможно, и не было. В очередной раз, когда я встретился с Элизабет, мы купили билеты на концерт моей любимой рок-группы – он должен был пройти девятнадцатого октября. Элизабет становилась холоднее в общении со мной, но я упрямо твердил себе, что у нас всё в порядке, что это обыкновенная усталость и что со временем всё снова станет как прежде.

В начале октября мой день рождения. Элизабет знала, что каждый год я отмечаю его с друзьями, собираю всех, кого ценю. Мне хотелось собрать ту же компанию, что и месяц назад. За день до этого она написала, что не сможет прийти. Стены моей души разрушились. Я разозлился, растерялся, а потом принял решение не отмечать. В тот день я находился

в четырёх стенах, пил и плакал, снова и снова задавая один и тот же вопрос в пустоту равнодушного пространства, надеясь, что Элизабет услышит: «За что ты так со мной?»

Позже она объяснила, что у неё сложный период, что она ни с кем не хочет общаться. Её круг общения и так был небольшим: сестра, подруга, я... Но всё равно мне казалось, что кто-то есть ещё. Кто-то, кто в данный момент тщательно скрывается за кулисами, но однажды выйдет на сцену и покажет своё лицо. Кто-то, о ком я ничего не знал, но тот, кто поселился в её голове. И от этого становилось не легче.

К удивлению, на концерт мы отправились вместе, как и планировали. Я надеялся наконец найти ответы на вопросы, которые не давали мне дышать полной грудью. Но вместо этого я снова и снова всматривался в её профиль, пытаюсь угадать, о чём она думает и кто занимает её мысли.

Весь вечер мы просидели у бара, почти не слушая музыку. В какой-то момент Элизабет в порыве ярости, что я наблюдал во второй и в последний раз с её стороны, сказала:

– Мы никто друг другу! Поэтому ты не имеешь права спрашивать, с кем я общаюсь.

Эти слова ударили по моему самолюбию не столько из-за ревности, сколько из-за того, как она их произнесла. В воздухе вновь повисло колкое напряжение. А потом она добавила:

– Я начала общаться с бывшим.

Мои пальцы онемели от холода, дыхание стало предатель-

ски сбивчивым, а все слова моего великого языка показались слишком неподходящими. Задетая гордыня настаивала, что я должен сказать что-то резкое и обидное, чтобы хоть как-то уравнять счёт в этой дуэли, но в горле пересохло, а лёгкие сжались. И разве я мог причинить адскую боль той, которая день и ночь жила в моём сердце?

Слова Элизабет ранили меня не потому, что я был уверен в своих правах обладать ею, а потому, что эти слова окончательно расставляли границы между нами – те границы, которые я не замечал или которых раньше не было. Её фраза о том, что мы никто друг другу, оставила отпечаток глубоко внутри, став позорным клеймом. Я не мог осознать лишь одного: если мы никто друг другу, тогда зачем она потратила на меня полгода своей жизни? Верить в то, что ей в один момент времени стало скучно, мне не хотелось. А она никогда не объясняла своих истинных намерений.

Когда концерт закончился и мы вышли на улицу, я закурил, а Элизабет спокойным тоном произнесла:

– Оставлю билет на память, – после этих слов она сложила глянцевого чёрно-белого листочек вдвое и убрала в сумочку.

И это всё, что у меня осталось – память. С той осени я не отмечаю дни рождения и не слушаю рок-группу, на концерт которой мы ходили, стараюсь избегать мест, где мы были вместе, потому что всё это память: и минуты счастья, что она дарила мне, и боль осознания от того, что это счастье ушло. Порой мне бы хотелось иметь возможность перепи-

сать воспоминания и никогда не повстречать Элизабет, а порой я цепляюсь за эти воспоминания как за самое важное в жизни и как за возможность оказаться рядом с ней, пусть даже мысленно...

В тот период я старался не думать о ней. Я хотел вырвать Элизабет из своего сердца с корнем – раз и навсегда. Но чем больше я прикладывал усилий не думать, тем чаще её образ всплывал в памяти: её улыбка, её привычка поправлять волосы или очки, её смех или шутки. Чем меньше я позволял себе о ней вспоминать, тем больше она занимала мои мысли. Каждый мой шаг и каждое действие были мучительным напоминанием о ней.

Утром четвёртого декабря я отправил ей сообщение: «Больше не буду вмешиваться в твою жизнь». Написал сухо, без эмоций, будто ставил точку в документе, чтобы наконец отправить его в «корзину». Однако положил телефон экраном вниз, чтобы не видеть, ответит она или нет.

После работы я шёл по главной улице, слушал музыку в наушниках и думал об инициалах Элизабет. Мне очень хотелось написать с ними стихотворение – только не хватало сюжета, и я не представлял, где его взять. Сценарист услышал мою просьбу мгновенно...

Страх попасть под машину преследовал меня с тех пор, как я переехал учиться в этот город. Я специально выбирал главную улицу, где на каждом перекрёстке стояли светофоры, где правила дорожного движения казались нерушими-

ми, в отличие от других улиц, где то и дело случались аварии с участием пешеходов. Мне казалось, что на главной улице я в безопасности. Однако никакие светофоры тебя не спасут, если сценарист решил сделать сюжет более драматичным.

Какая-то невидимая сила подтолкнула меня свернуть на аллею, располагавшуюся посреди улицы. Светофор горел зелёным и для меня, и для водителя. Но он меня не заметил. Время замедлилось: я сделал уверенный шаг навстречу судьбе, почувствовал болезненный толчок, подлетел, ударился головой о капот и камнем рухнул на асфальт.

Мгновенно остановился поток машин. Ко мне прибежали люди: кто-то помог подняться, кто-то отвёл на скамейку, кто-то вызвал скорую. Помощь приехала быстро, несмотря на бесконечные пробки в это время суток. Когда у меня спросили, поеду ли я в больницу, я машинально ответил:

– Нет. Завтра на работу.

Кто-то из стоявших рядом хмыкнул. Возможно, это прозвучало как нелепая шутка. Только позже до меня самого дошло, насколько нелепо это звучало в той ситуации. Видимо, сильно ударился головой. В итоге меня всё-таки забрали в больницу, чтобы сделать рентген в тех местах, где я чувствовал адскую боль, и спросили, кто может за мной приехать.

Образ человека, который жил в моей голове несколько месяцев, вновь дал о себе знать – Элизабет. И потому я позвонил ей. На звонок она ответила быстро, её голос звучал спокойно и равнодушно:

– Прости, я не могу приехать к тебе. У меня... сейчас нет возможности.

Сказав «извини», я завершил вызов. Тот день казался мне плохо сыгранной драмой: утром я пишу, что перестаю вмешиваться в её жизнь, вечером меня сбивает машина, и я звоню именно ей. Кто бы мог в такое поверить? К сожалению, это была правда. Горькая, абсурдная и до боли настоящая правда.

С тех пор моя жизнь разделилась на «до» и «после». Два месяца я лежал с гипсом: был перелом в области колена. Тогда я понял: если ад существует и я попаду в него, то буду там обездвижен перед экраном монитора, ибо в мире нет ничего хуже невозможности сбежать из царства бюрократии. Временами читал или писал стихи, временами смотрел в потолок, но снова и снова повторял себе: «Элизабет мне никто». Эти слова должны были стать обезболивающей душу таблеткой, но звучали как очередная ложь, которую я внушал самому себе.

Один суеверный пустяк долгое время не давал мне покоя. На правой руке я носил серебряные часы, которые купил себе на двадцатилетие. В голове всё крутилась дурацкая примета, о которой я читал перед покупкой: будто наручные часы часто замирают вместе с сердцем того, кто их носит. За несколько дней до аварии я просыпался, смотрел на часы и обнаруживал, что стрелки стоят, хотя совсем недавно я обращался в сервисный центр, чтобы в них заменили батарейку,

а значит, проблема была не в ней. Трижды по утрам я переводил их, и часы снова шли в течение дня. А после того, как меня сбили, часы тикали без перебоев и не останавливались, пока не села батарейка. Было ли это совпадением? Почему они переставали отсчитывать ход времени именно ночью? О чём меня хотел предупредить сценарист?

¶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.